

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37
ББК 74 (03)

ШКОЛЬНЫЙ УЧЕБНИК КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА И ЕГО ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Е. Ю. Ромашина

Ключевые слова: история образования; содержание образования; учебник; структура учебника; эмоционально-ценностный компонент.

Резюме: В статье рассмотрен один из аспектов влияния педагогической науки на содержание и структуру российского школьного учебника конца XIX – начала XX в. Проанализированы способы и приемы реализации авторами школьных пособий эмоционально-ценностного подхода к содержанию среднего образования.

Интенсивное развитие отечественной педагогической науки во второй половине XIX в., изменение взглядов на цели, задачи и содержание образования повлекли за собой и существенные перемены в российской учебной литературе для средней школы.

К 1870–80-м гг. школьный учебник уже не являлся лишь информационной моделью той или иной научной дисциплины, он превратился в достаточно точную и подробную модель самого учебно-воспитательного процесса. Как правило, учебные пособия стали содержать развернутое и четкое определение целей среднего образования в целом и обучения данному предмету в частности; учебный материал тщательно дидактически обрабатывался в соответствии с возрастом учащихся и типом учебного заведения; учебник явно был ориентирован на определенную методику преподавания и конкретные организационные формы учебной работы.

Функциональные перемены повлекли за собой изменения и в структуре школьного учебника: наряду с основными текстами заметное место в нем заняли тексты дополнительные (прямые обращения к читателю, материалы не обязательного изучения, фрагменты текстов из других источников информации и т. д.) и тексты пояснительные (примечания, словари, алфавитные справочники и т. д.); более развернутым стал аппарат ориентировки книги (рубрикации и выделения, предметно-тематические указатели, библиографические ссылки и т. д.); аппарат организации усвоения информации приобрел самостоятельную роль и от сугубо репродуктивно-катехизического принципа построения вопросов и заданий перешел к наличию заданий аналитико-синтетического и творческого характера; новые полиграфические возможности выве-

ли иллюстративный материал учебника на совершенно иной уровень – непосредственно рядом с текстом появились рисунки, чертежи, репродукции, карты, фотографии и т. д.

Изменившись к концу XIX в. структурно и функционально, российская учебная книга обрела вид собственно *учебника*, и теперь достаточно гибко следовала за разнообразными новыми тенденциями отечественной педагогической науки и образовательной практики, отражая их развитие и помогая распространению новых идей в реальной деятельности преподавателей.

Одним из таких основных положений, взятых на вооружение отечественной педагогической мыслью во второй половине XIX столетия, была философская идея о равноправности объективного и субъективного способов познания окружающего мира; осознание того, что научно-теоретическое отношение к миру не универсально, в достаточной степени односторонне и, значит, неполно; пришло понимание изначального существования субъективного восприятия и отображения мира (например, через искусство) – прямо противоположного объективному и дополняющего его в этой противоположности. Эти идеи были востребованы и использованы отечественной педагогической мыслью в перестройке содержания среднего образования и широко реализованы отечественными дидактами в школьных учебниках и учебно-методических пособиях путем включения в них эмоционально-оценочного, субъективного компонента, в наполнении их содержания личностными смыслами. Причем эти тенденции проявлялись в учебных пособиях по *всем* предметам школьного курса.

«Мы хотим знать не только то, что есть, но и что должно быть, не только понимать реальные отношения действительности, но и оценивать их с точки зрения наших идеалов, – писал известный педагог и методист Н. И. Кареев, – ребенок должен познавать мир не только реалистично и объективно, но и идеалистически и субъективно, причем второе не должно противоречить первому, а должно его лишь только дополнять» [10, с. 129].

Знание не должно оставлять нас «лично равнодушными», – отмечал и М. М. Рубинштейн. Оно должно говорить всей душе ребенка – его уму и сердцу. Наука – объективна, образование – субъективно, они должны быть автономны, но не изолированы: «необходимо пройти между Сциалой холодно безучастного знания и Харибдой морального порабощения знания посторонним задачам...». Задача истинного образования – в интересах развития личности органично свести воедино ум, волю и эмоции человека [20, с. 39].

Ориентируясь на эти научные постулаты, авторы школьных учебников второй половины XIX – начала XX в. стремились адресовать свои пособия не только когнитивной и психомоторной сферам личности, но и неразрывно связанной с ними сфере эмоционально-волевой, стремясь тем самым интегрировать объективный и субъективный способы познания окружающего мира, представить детям не только знания и способы мыслительной и практической деятельности, но и личностное, эмоционально-ценностное отношение к ним.

Пособия второй половины XIX и начала XX в. составили разительный контраст с учебной литературой предыдущей эпохи, нацеленной на заучивание наизусть текстов – коротких, неземональных, не сопровождающихся никакими отступлениями и пояснениями. Еще в 1837 г. о своем «Начертании русской истории» М. Н. Погодин прямо писал: я знаю, что книга эта суха, «и не имел намерения оживлять ее нисколько. Моя книга есть книга учебная, которая проходит в классе, заучивается более или менее учениками. Учебная история должна изложить все главные события ... не сказать ничего ненужного, не употребить ни одного слова лишнего... Ни об чем прочем ей нечего заботиться» [19, с. XIV].

Там, где авторы пособий все-таки допускали в текст «лишние слова», от них избавлялись сами учащиеся, вынужденные заучивать целые куски наизусть. Об этом свидетельствуют интереснейшие владельческие пометы на экземплярах учебников, сохранившиеся в современных библиотеках: вычеркнутые пышные эпитеты и эмоции, разбивка материала параграфов на смысловые куски «к билету 14», «к билету 29» и т. д.

Совсем иными стали пособия во второй половине XIX столетия. Осознав необходимость формирования у ребенка эмоционально-ценностного отношения к окружающему миру, педагоги ставили такую задачу перед учебной литературой и зачастую авторы прямо формулировали ее в предисловии к своим книгам.

Так, А. Любен отмечал, что изучение ботаники служит не только для «упражнения в правильном мышлении» и «образовании ... правильных представлений», но и «для пробуждения чувства к прекрасному в природе и к прекрасному вообще ... для оживления духа» и «пробуждения жажды к исследованию и отсюда проистекающих спасительных самодеятельности и самостоятельности» [13, с. XI].

Задача школы не состоит в сообщении ученику «известной степени умственного развития и запаса прочных знаний», – подчеркивал и автор «Конспективных дополнений к курсу физической географии» Ф. Любимов. Ее цель – развитие всей совокупности духовных сил воспитанника: его способности к критическому суждению, к пониманию и сознательному употреблению законов науки, формирование тяги к самообразованию, к все более глубокому познанию таинств окружающего мира и места в нем человека, к «чтению величайшей поэмы, начертанной во всем мироздании» [14, с. 7].

Однако отметим, что взгляды педагогов того времени на «оживление» и эмоциональность учебных текстов были далеко не однозначными.

Целый ряд пособий отличались некой внешней, «анекдотической» занимательностью, безусловно, способной привлечь внимание учащихся, но вместе с тем обладавшей скорее отрицательным воспитательным потенциалом. Так, в учебниках истории Д. И. Иловайского присутствовало достаточно эмоциональное изложение, но автором был принят некий общий тон снисходительно-го цинизма по отношению к деяниям прошлого: «древние, подобно всем некультурным людям...», «Петр очень полюбил море и флот...», по окончании лица Пушкин «вел рассеянную жизнь и за некоторые нескромные стихотворе-

ния отправлен по Высочайшему повелению на службу в южную Россию... Посреди блистательной поэтической деятельности его постигла ранняя кончина. Пушкину было только 38 лет, когда он получил смертельную рану на поединке с одним иностранцем...». Д. И. Иловайский явно «смаковал» исторические анекдоты: как Ольга сожгла Коростень, как Темучин убил и в 70 котлах варил своих врагов; пересказывает предание о Евпатии Коловрате и заключает – «подобными рассказами народ обыкновенно утешает себя в прошлых бедствиях и неудачах» [8, с. 74, 32].

Подобная «эмоциональность» подвергалась критике современников, причем критике «с разных сторон».

Так, Н. Андреев полагал, что в учебнике истории «не должно быть места ни лирическим излияниям, ни биографическим данным, ни изложению хода войн и сражений. Все это не имеет никакой образовательной ценности...». По мнению Н. Андреева, эмоциональность изложения направлена к целям, не имеющим ничего общего с образованием, например к воспитанию ложного, «своеобразно понимаемого патриотизма», а потому должна быть безжалостно изгнана из учебной литературы [2, с. 3]. Вот каким было изложение событий Отечественной войны 1812 г. Н. Андреевым: «При Александре I на Россию обрушилось большое несчастье: император затеял войну с французами. Французский император Наполеон в 1812 г. вторгнулся в Россию и дошел до самой Москвы. Вся страна от Вильны до Москвы была разорена. Москва сгорела. Но у французов не хватило силы вести войну дальше. Зимой 1812 г. они начали уходить из России. Русская армия пошла за ними и нанесла врагам несколько тяжелых поражений» [2, с. 58–59]. И это все! Конечно, здесь нет ни «ложного патриотизма», ни «лирических излияний», но нет здесь и **ОБРАЗОВАНИЯ**.

Очень сдержанны и сухи были также учебники Я. Гуревича, С. Ковалевского, К. Ф. Ярошевского, П. Виноградова и некоторые другие.

Но педагоги второй половины XIX в. искали спасения от анекдотичной занимательности не только в сдержанности и сухой академичности. Многие из них ставили в противовес им истинную эмоциональность и высокую культуру изложения учебных текстов.

Для достижения этой задачи авторами учебников использовались разные приемы и прежде всего особый, художественный стиль изложения, облекающий учебный материал в живую, красочную, конкретную форму, способствующий развитию образного восприятия и яркого воображения учащихся.

Вот, например, выдержка из «Начального курса природоведения» Ю. Н. Вагнера: «Весною, когда природа наших стран просыпается от долгого зимнего сна, ничто так не радует наш взор, как вид молоденькой яркой зелени. Еще кое-где лежит снег, еще лед покрывает озера и реки, а на проталинах между побуревшей прошлогодней листвой и старой пожелтевшей травой пробиваются сверху тысячи новых зеленых ростков. Пройдет еще несколько теплых дней, и на деревьях начнут раскрываться почки, а на пожелтевших лесных лужайках покажутся и первые весенние цветы...» [3, с. 1].

А так рассказывает о поселении древних славян «Книга по русской истории», составленная К. О. Вейхельтом с соавторами: «Лесная глушь. Среди густого леса темной лентой вьется река. Громадные ветви деревьев низко нависают над водой, а из размытого берега торчат обнаженные корни ... тихо крутом. Слышно, как дятел долбит дерево, да кукует кукушка ... Пчелы жужжат и вьются роем у дупла громадного дерева. На высоком холме, над рекой, подымается дым, и слышится людской говор. Там, на расчищенной поляне, в беспорядке разбросаны строения. В одном из них живут...» и т. д. [11, с. 13].

В «Учебнике отечественной географии» С. Меча специальные научные объяснения тесно переплетались с субъективным и эмоциональным стилем художественных описаний природы: «Между высокими песчаными холмами блестит гладкое озеро, усеянное лесистыми островками. На одном из таких островов приютился старинный храм или монастырь. К берегам озера спускаются то засеянные поля, то цветистые лужайки, то деревушки, а не то надвинется густой темный бор, словно захотелось ему полюбоваться в зеркале воды на дикую красоту свою». Свое описание С. Меч заканчивает неожиданно для учебника географии: «Многие лучшие произведения Пушкина навеяны на него природой Псковской губернии...» [15, с. 41].

В ряде пособий в качестве основных или дополнительных текстов авторами непосредственно использовались отрывки из художественной литературы: «Родовая месть» М. Твена в «Исторической хрестоматии» Я. С. Кульжинского; «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина, стихотворения А. Толстого, А. Майкова, А. Кольцова, А. Фета и других в «Исторической хрестоматии» А. Гартвига или «Практическом учебнике русской грамматики» К. Ф. Петрова; «Жизнь в степи» Пассека в учебнике географии Д. Семенова и т. д.

Одним из ярчайших примеров подобного включения являются отрывки из «Дневников» Ф. Нансена, помещенные в пособия по географии Н. В. Тулупова. Например, об образовании торосов на северных морях: «Грозно и величественно зрелище такой борьбы! Чувствуешь, что находишься перед лицом титанических сил, и легко понять, что робкие характеры приходят в ужас и чувствуют, как будто ничто не может устоять перед этой силой (...) Сначала среди обширной пустыни слышится слабый шум, как будто громовой раскат отдаленного землетрясения, затем этот шум приближается и слышится уже во многих местах. Немое ледяное царство сотрясается громовыми ударами, исполины природы пробуждаются для борьбы. Лед начинает кругом трескаться, ломаться, громоздиться... Отовсюду слышится рев и гром ... глыбы толщиной в 3, 4, 5 метров трескаются и подбрасывают одна другую, как будто они так же легки, как перья» [22, с. 37–38].

Авторы пособий, использовавшие такой прием, отмечали, что их целью было составить у детей «по возможности полное», целостное представление о том или ином явлении или процессе «посредством художественных образов», средствами искусства возбудить интерес к процессу познания, «воз-

будить... добрые чувства», «открыть глаза» на красоту мира, «наложить свою печать на его стремление к лучшему...» [22, с. 3].

Той же цели служило помещение в учебные пособия по различным предметам высококачественных иллюстративных материалов, являющих читателю и зрителю подлинные произведения искусства. Это прекрасные рисунки памятников материальной культуры, обнаруженных при археологических раскопках, в учебнике «Древней истории» К. И. Добрынина; рисунки и репродукции с картин И. Билибина, Б. Кустодиева, Г. Норбута, А. Бенуа, П. Коровина, А. Куинджи, И. Левитана, В. Маковского, И. Шишкина и других в «Книге для изучения родного языка» А. Я. Острогорского; художественные фотографии природных ландшафтов и памятников архитектуры С. Меча в его учебнике географии. В предисловиях к своим учебникам авторы особо подчеркивали, что целью включения данных материалов было не только представление материала наглядным образом и создание опоры для зрительной памяти детей, но и формирование эстетического вкуса, развитие чувства прекрасного и умения видеть красоту и «самомалейшей былинки», и величественного горного ландшафта, и самого Человека.

Кроме использования художественных средств, для оказания эмоционального воздействия на учащихся авторы учебных пособий использовали в учебной литературе особый личностный, доверительный тон, прямые обращения к читателю, направленные на установление сотрудничества и сотворчества в общем деле познания мира и себя в этом мире.

«Кому приходилось посещать разные местности земного шара или, по крайней мере, рассматривать фотографические снимки их, тот отлично знает, как разнообразна поверхность нашей планеты, – обращался к гимназистам старших классов преподаватель и автор ряда учебных пособий А. П. Нечаев. – (...) Перенесемся мысленно на западный склон Урала и совершим путешествие по одной из ... рек... Положим мы остановились на реке Вишере...» [16, с. 4–6]. Это пособие сохранило личностный стиль устной речи, конспективно воспроизводя лекции, читанные А. Нечаевым в гимназиях и реальных училищах Санкт-Петербурга.

«В ясный летний день пойдете в Лосиный Остров, – приглашал школьников автор «Книги для чтения по русской истории» Д. А. Никольский. – Это огромный лес рядом с Москвою. Побывав в нем, мы наглядно можем представить себе, какова была природа нашей страны на заре русской истории...», – пояснял он [7, с. 7].

Оживление текста диалогами, вопросительной формой изложения использовали также С. Соловьев, Д. Кайгородов, Д. Жаринов и многие другие.

Еще одним способом формирования личностного, субъективного отношения школьников к учебному материалу было использование авторами пособий проверочных вопросов, служащих не только для контроля за уровнем знаний учащихся, но и для выработки у детей привычки к оценочным суждениям, к эмоциональному восприятию многообразия окружающего мира.

«Что вам известно о личности Ивана III?» – спрашивал школьников «Учебник русской истории» С. Ф. Платонова. «Если вы живете в старинном городе (Новгороде, Пскове и т. д.), то разузнайте обо всех древностях, ознакомьтесь с историей города и все запишите, чтобы не забыть», – такое задание давалось в пособии Н. Андреева [2, с. 74–75]. «Проследить в биографии Гоголя выражение следующих его личных свойств: способность глубоко чувствовать, религиозность, патриотизм, сила фантазии, переходы от веселости к меланхолии, наблюдательность, эстетический вкус, серьезное отношение к нравственной стороне жизни, замкнутость, лукавство», – требовал учебник истории русской литературы А. Алферова [1, с. 35].

Таким образом, целый комплекс подходов, структурных элементов, особенностей построения текстов использовался отечественными педагогами при составлении школьных учебников, отвечающих задачам формирования всех сил развивающейся личности, превращающих школьное знание в «пищу духовную», пробуждающую и поддерживающую в ребенке «глубокое гуманное чувство» через его эмоциональное приобщение к «тайнам жизни», скрытых и «в каждой самомалейшей былинке зеленого царства»; и в природных ландшафтах, «полных истинной красоты и поэзии»; и в «духе родного языка»; и в «изображении судеб рода человеческого» [9, 17].

Литература

1. Алферов А. Сборник вопросов по истории русской литературы (Курс средней школы) / А. Алферов, А. Грузинский. – Изд-е 7-е, пересм. – М.: Изд. кн. маг. В. В. Думнова, 1909.
2. Андреев Н. Русская история: Учебник для начальных школ и младших классов средне-учебных заведений. – 2-е, испр. и доп. изд-е. – Птг: Изд-во «Книга», 1918.
3. Вагнер Ю. Н. Начальный курс природоведения. – Киев: Изд-е Пироговского т-ва, 1908.
4. Виноградов П. Учебник всеобщей истории. Ч. 1. Древний мир. – 5-е изд. – М., 1899.
5. Гуревич Я. Г. Историческая хрестоматия по новой и новейшей истории: Пособие для учащихся и преподавателей. – Изд. 4-е, испр. – СПб.: Надежда, 1895. – Т. 1; СПб.: Тип. М. Меркушева, 1900. – Т. 2.
6. Добрынин К. И. Древняя история. – М.: Изд-ль В. С. Спиридонов, 1910. – Ч. II. Греция и Рим: Курс IV класса мужских гимназий. – С 71 рис. и 2 картами.
7. Жаринов Д. А., Никольский Н. М. Былое вокруг нас: Книга для чтения по русской истории. – М., 1912.
8. Иловайский Д. И. Руководство к русской истории. Средний курс. – Изд. 41-е. – М.: Т-во типогр. И. М. Машистова, 1907.
9. Кайгородов Д. Начальная ботаника для городских училищ. Со мн. рисунками. – Изд. 3-е. – СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1902.

10. Кареев Н. И. Идеалы общего образования. – Изд. 2-е. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909.
11. Книга по русской истории для начальных школ и первых классов средних учебных заведений / Сост. К. О. Вейхельт, М. Н. Коваленский, В. А. Петрушевский, В. Я. Уланов. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Изд-во т-ва «Мир», б. г.
12. Ковалевский С. Учебник химии. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1874.
13. Любен А. Руководство к систематическому изучению ботаники для школ и самообучения / По 4-му изд. сост. А. Бекетов. – Изд-е 2-е. – СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1873.
14. Любимов Ф. Конспективные дополнения к курсу физической географии. Для VIII кл. жен. гимназий – Тула: Тип. В. К. Николаева, 1914.
15. Меч С. Россия. Учебник отечественной географии. – 32-е изд. – М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1917.
16. Нечаев А. П. Картины родины. Типичные ландшафты России в связи с ее геологическим прошлым. – 2-е изд. – СПб, 1911.
17. Острогорский А. Я. Живое слово. Книга для изучения родного языка. Для учеников II класса средней общеобразовательной школы. – 9-е изд. – Птг.: Тип. Тренке и Фюсно, 1915. – Ч. II.
18. Платонов С. Ф. Учебник русской истории. – СПб.: Наука, 1997.
19. Погодин М. Н. Начертание русской истории для гимназий. – Изд. 2-е. – М., 1837.
20. Рубинштейн М. М. Современное образование и нравственность // Вестник воспитания. – 1917. – № 1. – С. 1–45.
21. Тулупов Н. В., Шестаков П. М. Наша Родина: Географическая хрестоматия для ... младших классов средних учебных заведений. – М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1909.
22. Ярошевский К. Ф. Учебник ботаники: Руководство для средних учебных заведений с реальным курсом. – Изд. 7-е. – М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1893.